

ОЛЬГА ШЛЫКОВА

Шоколадные туфельки

РАССКАЗЫ

Ольга Шлыкова

Шоколадные туфельки. Рассказы

«Издательские решения»

Шлыкова О. Б.

Шоколадные туфельки. Рассказы / О. Б. Шлыкова —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-858329-2

В книгу вошли миниатюры и рассказы разных лет, в том числе рассказы о животных, фантастические истории и сказка «Забывтая богиня».

ISBN 978-5-44-858329-2

© Шлыкова О. Б.
© Издательские решения

Содержание

Рассказы разных лет	6
Шоколадные тувельки	6
Кухтеринские попугаи	8
Отдача выбора	10
Не было бы счастья	14
Дело бабушки Люции	16
Посадил дед...	22
Пиковый туз	24
Сплетня	26
Уйти за радугу	28
Дурдом из поливалки	30
Кровь из вены	31
Мелочи жизни	32
Реплика в сторону	33
Страсти по дивану	34
Собачья карма	36
Кортик	39
Эхо	42
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Шоколадные туфельки

Рассказы

Ольга Борисовна Шлыкова

Иллюстратор Ольга Борисовна Шлыкова

© Ольга Борисовна Шлыкова, 2018

© Ольга Борисовна Шлыкова, иллюстрации, 2018

ISBN 978-5-4485-8329-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Рассказы разных лет

Шоколадные туфельки

Алисе

Большой плюшевый заяц смотрел на Айку своими глазами-пуговицами, и Айке казалось, что ему тоже грустно. Мать посадила зайца в ногах девочки, и Айке было до него не дотянуться. Единственный товарищ во всех Айкиных невзгодах уже потерял первоначальный лоск своей серой шубки, а его красный бант мама недавно заменила на синий. Айка звала зайку Маликом. Она проснулась, когда в палате никого не было. Её снова привязали, чтобы во сне не сдвинула капельницу. Айка посмотрела на бутылку. Лекарство скоро кончится, придёт медсестра, чтобы бутылку заменить. Ей снова сделали операцию, и она день и ночь лежала под капельницами. «Попрошу, чтобы дала мне Малика» – решила Айка и снова задремала.

В палате кто-то громко разговаривал на незнакомом языке. Айка почувствовала, что мама подняла одеяло. Мамины руки она узнавала всегда, ведь часто просто не могла открыть глаза. Но сегодня она их открыла уже во второй раз. Над ней склонился кудрявый дяденька, в смешных круглых очках. Почувствовав сквозь гипс, что он сдавил ей щиколотку, вскрикнула от боли.

– Доченька, ты очнулась! – мама обняла её. – Хочешь пить?

– Нет. Дай мне Малика.

– Вот он, родная.

Крепко обняв зайца, Айка спросила:

– А это ещё кто?

Мама спохватилась:

– Это доктор Смит. Он специально приехал из Америки, чтобы сделать тебе операцию. Разве ты его забыла?

Доктор присел на кровать и что-то сказал. Айка не поняла, и смотрела на него недоверчиво. Из-за его спины вышла красивая девушка с длинными светлыми волосами. Белый халат был просто накинут ей на плечи.

– Доктор Смит спрашивает, что ты видела во сне.

Айка задумалась. Ещё никто никогда её не спрашивал про то, что она видит во сне. Хотя, каждый раз под наркозом ей снились разные разности. В этот раз сон был каким-то неясным. Она, кажется, просила у мамы шоколадку, а та принесла шоколадные туфельки и сказала, что в них то Айка и будет ходить. Когда сможет, конечно.

– Шоколадные туфельки. – Прошептала девочка.

Девушка улыбнулась и сказала доктору что-то непонятное.

– Oh, yes! Chocolate shoes! That is what you need! I will present it for your wedding!¹ –

Сказал доктор.

Он погладил Айку по голове, поговорил о чём-то с мамой и ушёл в обнимку с блондинкой. Он всё время повторял: «Chocolate shoes!», и громко смеялся.

Через год Айку выписали, и она пошла в школу. Дома взрослые часто говорили, что благодаря доктору Девиду Айка учится со своими сверстниками. Нога немного побаливала, если Айка уставала. Но и эта боль скоро прошла. Айка быстро позабыла многолетние мытарства по больницам, ненавистный гипс и бесконечные капельницы, от которых, то тошнило, то

¹ – О, да! Шоколадные туфельки! Это то, что тебе нужно! Я подарю их тебе на свадьбу!

сушило во рту, то хотелось спать. Только Малик, которого она по-прежнему брала с собой в кровать, напоминал больничные будни.

Когда родился братик, Айка отдала Малика ему. Она решила, что уже большая, чтобы спать с игрушкой. И шустрый Тимка быстро оторвал Малику уши и лапы. Мама пришила всё на место и куда-то убрала зайца.

Айка была так счастлива, когда Серёжка нёс её на руках, а гости кидали им под ноги розовые лепестки. Она и не заметила среди гостей высокого мужчину в очках, который стоял рядом с её мамой, сверкая белозубой улыбкой.

Свадебный торт вывезли на тележке.

– Интересно, – сказал Серёжа, – это что – сам директор ресторана?

– Не думаю. Мама что-то говорила про сюрприз с тортом. Сейчас узнаем.

Торт был в коробке, и мужчине пришлось немного повозиться, чтобы снять её. Когда он заговорил, Айка всё вспомнила, и у неё потекли слёзы. Она понимала его без переводчика.

– Дорогая моя девочка! Помнишь, тебе приснились шоколадные туфельки? С тех пор я дарю шоколадные туфельки всем своим пациенткам, когда выписываю их из больницы в Чикаго. Даже если не удалось полностью их вылечить. Шоколадные туфельки стали символом моего отделения. Маленькие девочки верят, что если съесть шоколадную туфельку, то их ножки скоро излечатся.

Один журналист, прослышав про наши шоколадные туфельки, спросил меня, почему я их придумал. И я рассказал ему, что шоколадные туфельки увидела во сне одна сказочная принцесса из далёкого королевства за океаном. И они вылечили её ножку.

Кухтеринские попугаи

Один из богатейших томских купцов братьев Кухтериных выстроил себе новый дом под магазин на центральной улице. По такому торжественному случаю, Алексей Евграфович задумал устроить прием, на который были приглашены все сливки томского общества.

Дабы удивить гостей, выписал наш купец аж из Индии, птиц заморских, пером разноцветных.

– Жаль только не поют. – Говаривал приказчик доставивший диковинку в Томск. – Но продавец мне обещал, что когда освоятся к нашей речи, заговорят, как мы с вами на русском языке

А привёз тот приказчик, ни много ни мало – сорок шесть попугаев. Дивились на них люди, ведь каждая птица была ростом почти с курицу, и красоты неопишущей. И синие и жёлтые и красные. А больше всего было белых.

Уставшие в дороге птицы почти всё время дремали, раскачиваясь на маленьких трапециях, лишь изредка поднимая свои хохолки, если кто-то приближался к клеткам, установленных в самом большом помещении магазина.

На улице господствовал летний зной, и все окна были открыты настежь днём и ночью. Строители, заканчивая внутреннюю и внешнюю отделку, проветривали здание, чтобы быстрее просохло.

Кухтерин старший самолично руководил строительством. Отлучаясь по делу в Иркутск, оставил вместо себя командовать рабочими старую экономку Феокисту Ивановну.

– Алексей Евграфович, голубчик, да как же это. В зале ещё канделябры устанавливать будут, а я в ликтричестве ничего не понимаю. Они ж меня вокруг пальца обведут, мастера эти ликтрические.

– Ничего, Ивановна, ты главное за птицами присмотри, чтоб никто руками их не трогал. Я за них целое состояние заплатил.

И Феокиста Ивановна расстаралась. Как только приходили рабочие, она тоже являлась и устраивалась с вязаньем у окна. Не глядя на спицы, не спускала глаз с клеток, которые ставили на середину зала и накрыли красивыми индийскими платками. Экономка следила за тем, чтобы никто громко не разговаривал, и не дай бог, если кто-то случайно ронял инструмент.

Она до того надоела рабочим, что те начали её посылать по матушке, сначала шёпотом, а потом и во весь голос. Маляры, которые занимались наружной отделкой и тоже настрадавшиеся от назойливого внимания Феокисты Ивановны, едва завидев её у окна, здоровались с ней во всю силу своих лёгких, прибавляя пару, тройку «ласковых».

– У, глотки лужонные, – ворчала старушка, – попугаев напугаете. Вот Алексей Евграфович вам задаст!

Наконец, всё было закончено, как сказал сам Кухтерин – в лучшем виде. И наступил заветный день приёма.

Гостей съехалось столько, что зал едва вместил. Разговоры на французском, меха и бриллианты – гуляет высшее общество. Все разглядывали экзотических птиц, слушали музыку в исполнении музыкантов из самого Петербурга, пили шампанское, которое лилось рекой. Братья Кухтерины хотели, как следует обмыть новую постройку.

В назначенный час, в дверях появилась Феокиста Ивановна в новом чепце и парадном чёрном шёлковом платье, с золотыми часами на поясе. Она кивнула оркестрантам, чтобы закончили играть, сложила руки на животе, и приготовилась просить гостей пожаловать откусать, чем бог послал.

Увидев экономку, ближайший белый попугай поднял свой хохолок и с выражением произнёс:

– Феоктиста Ивановна, здравствуйте, ё.. твою мать, б.. на х..!

Он сказал это так громко и чётко, что услышали все, кто находился в зале. Кухтерин приказал накрыть клетки платками, но было уже поздно. Все сорок шесть птиц начали выкрикивать матерные слова, в точности копируя издевательские интонации рабочих, уставших от присутствия Феоктисты Ивановны.

Бедная старушенция лишилась чувств, и приглашать к столу пришлось самому хозяину, перекрикивая гомерический хохот подвыпивших гостей.

Долго ещё в Томске вспоминали тот Кухтеринский приём в новом магазине.

Экзотических птиц купец распродал. Попугаев матершинников покупали на потеху холостяки да гусары. А старая экономка ушла со службы, так и не смирившись с постигшим её несчастьем.

– Срам один, да и только! – Отмахивалась она, если её просили рассказать о том несчастном приёме.

Отдача выбора

Я ведунья. Кому-то от предков достаётся наследство, кому-то генетические заболевания, а мне вот достались волшебные способности. Я долго не относилась к ним серьёзно, и списывала на интуицию маленькие волшебные приключения, которые повторялись с завидной регулярностью. Свои возможности я не афиширую, о них знают только самые близкие. Но они тоже предпочитают помалкивать, уж очень всё у меня конкретно и без ошибок получается. Моя волшебная помощь людям, очень дорого мне обходится, в плане расхода душевных сил. Поэтому я предпочитаю никому не помогать. Ведь чаще всего, у просящих помощи, овчинка выделки не стоит, дело мелкое, обойдутся и без меня.

Однажды, ко мне обратилась пожилая женщина. Её сын, крупный предприниматель, заболел. Стоит ли говорить, что его лечили в самых престижных клиниках страны и за бугром. Но, увы, даже точного диагноза никто не поставил. А сорока двух летний парень, почти зачех за какие-то полгода. И матушка решила, что завистники навели на него порчу.

Порча в наше время явление редкое. По двум простым причинам: утрачены способы эту порчу навести, раз, и чтобы получилось стопроцентное попадание, нужно на самом деле продать душу дьяволу, два. А нынешние колдуны, в основном, мошенники, знают пару заклинаний, а строят из себя, бог знает кого. В наше время губит людей не порча, а ими же самими запущенная программа на самоуничтожение. Ведуны называют её просто – бумеранг выбора.

Недолгая история русского бизнеса нового времени показывает, что такой бумеранг выбора настигает в большинстве своём именно тех, кого люди называют «крутыми». Да и сами эти «крутые», считают себя таковыми, и живут по принципу – «Гуляй, Вася – бога нет». И вот тут-то кроется самая их большая ошибка. Вернее ловушка, в которую они сами себя загоняют.

Я поехала к этому болящему, потому что мне показалась странной история его болезни. Человек потерял аппетит, его постоянно клонит в сон, и нет никакого желания просто двигаться, не то, что работать или проводить время, так как он привык. Полная апатия. Его не волнует ни семья, ни бизнес, в который раньше он вкладывал всю душу и время. Ему, просто всё «фиолетово», как говорит нынешняя молодёжь. И это при прекрасных анализах.

Сидит этот больной по имени Павел, в шикарном палате частной клиники, в навороченном инвалидном кресле, и спит, укрытый пледом.

Рядом на столике завтрак, к которому он не притронулся.

Матушка Павла привычно пускает слезу и говорит: «Ну, вот, видите...» Павел шевелится, открывает глаза, видит мать и снова глаза закрывает. Он даже позу не поменял.

– Здравствуйте, Павел. – Говорю я громко, чётко проговаривая слова. Павел смотрит на меня равнодушно и тихо произносит:

– Здравствуйте. Вы кто?

– Ведьма киевская. – Шучу я. Это выводит Павла из забытья, и он начинает, молча, меня разглядывать.

– И что вам нужно? – Наконец произносит он.

Я молчу, говорит матушка Павла. Наконец Павел кивает головой и поднимается с кресла. Мать уговаривает его поесть перед поездкой, которая нам предстоит. Пока Павел одевается, приносят новый завтрак. Он нехотя съедает бутерброд и запивает его кофе. Всё, мы готовы ехать.

В офисе Павла, при появлении босса, начался шухер, в полном смысле слова. Сотрудники разбегаются, как тараканы, а кто не успел, вытягиваются в струнку перед хозяином. Двери в его кабинет открыты, и секретарша убирает на рабочем столе. Я подумала, что смахивает скопившуюся за время его отсутствия пыль, но на подносе стоят чашки с остатками кофе и коньячные рюмки, а в воздухе витает запах дыма дорогих сигар.

– Кто тут был? – Вяло интересуется Павел.

– Юрий Семёнович и Ольга Денисовна... – Лепечет секретарша.

– Вот, гнида, опять мой коньяк жрал. – Вздыхает Павел и усаживается в кресло. Потом обращается ко мне: – Ну, мы пришли. Присаживайтесь, пожалуйста!

Но я не принимаю приглашения, и обхожу кабинет, внимательно рассматривая содержимое шкафов. Всё, как у всех. Несколько стеллажей занимают «подарки фирме», два книжных шкафа со специальной литературой, и длинный стол для совещаний. Только картины на стенах подобраны не по цветовой гамме, как у большинства «крутых», здесь явно прослеживается тема – лошади. Одно полотно выбивается из общего ряда – портрет маленькой девочки. Я долго рассматриваю малышку.

– Это моя дочь, которая живёт с матерью в Америке. – Глухо говорит Павел.

Я знаю историю его первой женитьбы, развода, второй женитьбы, второго развода. Сейчас Павел холост и даже переписал на днях завещание, по которому всё оставляет своим родителям.

Наконец, я присаживаюсь за стол, где для меня уже подготовлено рабочее место – ноутбук, дублирующий компьютер Павла. Он открывает один за другим заранее оговоренные документы, я мельком просматриваю их, и закрываю крышку ноутбука. Матушка Павла смотрит на меня с такой надеждой, что мне даже становится неудобно, от того, что я сейчас собираюсь им сказать, но я всё-таки говорю:

– Я не буду вам помогать, Павел. Это бесполезно.

– Но... – Матушка Павла закашлялась и, не договорив, выбежала из кабинета. Я проводила её взглядом и посмотрела на Павла.

– Ваши дела настолько плохи, что отмотить вас не сможет даже родная мать.

– Это ещё почему? – Павел равнодушно смотрит на меня.

– Потому что в вашей жизни и работе слишком много нарушений закона и человеческого и, извините, божеского. И чтобы молитва дала хоть какой-то результат, вам нужно все ваши дела привести в соответствие с законом. А это, как я понимаю, невозможно. Продать или передать кому-то бизнес, тоже бесполезно. Нарушения останутся неисправленными.

– Значит, по-вашему, я нагрешил по полной программе, и теперь мне нет спасения? – В голосе Павла сквозит издёвка.

– Понимайте, как хотите. Не мне вам объяснять, что не так с вашей жизнью и где вы накосячили. Потому что вы всё делали сознательно. Я вчера зашла в один из ваших магазинов, по объявлению о наборе сотрудников. Цены «задраны», рабочие графики и зарплаты продавцов не выдерживают никакой критики. Половина коллектива работает нелегально. Вы не потрудились оформить их официально, даже на минимальную зарплату, чтобы не делать отчисления в пенсионный фонд. Соцпакет в наше время большая редкость. Такое впечатление, что вы в глаза не видели Трудовой кодекс. И это только одно направление в вашем бизнесе. Я даже не берусь предполагать, какие нарушения в остальных. Но, в наше время, так работает большинство предпринимателей, поэтому я не удивляюсь. Потому что самое бессовестное сословие в нашей стране – бизнесмены.

Я поднимаюсь и, направляясь к двери, сталкиваюсь с заплаканной матушкой Павла.

– Что, совсем, совсем, никак? – Женщина смотрит на меня, словно ждёт чуда.

– Всего доброго! – Говорю я и выхожу из кабинета.

– Подождите! – Кричит мне вслед Павел. – Я вас отвезу.

– Не стоит. – Улыбаюсь я и, не оглядываясь, покидаю офис.

Через месяц я оформляла себе пенсию и, выйдя от инспектора, увидела в коридоре горько плачущую женщину. На вопросы окруживших её людей, она только повторяла: «Ну, как же, так?» – и снова рыдала, уткнувшись в платок. Наконец, рыдания отступили, и она сказала:

– Сорок лет стажа, а пенсия всего шесть семьсот!

Люди возмущённо загудели, а я спросила:

– А где вы работали?

– В магазине, двадцать лет мясом торговала у частного.

– И получали зарплату в конверте?

– Да...

Я пожала плечами и пошла своей дорогой. «Ну вот, начали выходить на пенсию те, кто всю жизнь „отпахал“ на „дядю“, не задумываясь о том, что будет в старости. Не верю, что эта продавщица не знала, что работает без соцпакета. А пенсию ей начислили только за советский стаж» – думала я, выбираясь из здания Пенсионного фонда, и радуясь своей пенсионной «десятке».

Павел нашёл меня, когда я совсем не ожидала, и практически забыла об его существовании. Я гуляла с собакой, рядом притормозила машина, из неё вышел мужчина, и вежливо со мной поздоровался, назвав по имени отчеству.

– Здравствуйте! А вы кто? – удивилась я.

– Я Павел Маслов. Мы встречались в конце прошлого года.

– Да, припоминаю. А вы, как я вижу, оправились от своей болезни?

– Благодаря вам.

– Интересно. Я просто вас проконсультировала, и...

– Я ведь в тот день, отправив мать, домой, остался в офисе. Вы меня задели за живое. Давно со мной такого не было – кто-то посмел меня критиковать. И не просто критиковать, а аргументировано доказывать, что я полный засранец. И ведь комар носа не подточит. Вы чётко мне назвали всё, где я косячил много лет. И уже не задумывался над тем, хорошо это или плохо, законно или не очень. В общем, плыл по течению, жил, как все.

Я взялся за бизнес, перелопатив кучу дел, до которых или руки не доходили, или просто было лень разгребать годами накопившиеся завалы. В общем, оздоровил, так сказать, обстановку, подтянув под соответствие закону все внутренние правила компании. Уволил кучу управленцев, которые засиделись на местах, и не хотели ничего менять в рутине повседневности. Набрал толковую молодёжь. Когда я попробовал отработать двенадцатичасовую смену в супермаркете, как простой охранник, я понял, что вы имели в виду, когда сказали, что я в глаза не видел Трудовой кодекс. Чтобы отстоять на ногах рабочий день с двумя короткими перерывами, нужно богатырское здоровье. Поэтому такая текучка кадров на этих должностях. Держатся, сколько могут, только женщины, потому что работать больше нигде.

Павел помолчал, а я, не зная, как реагировать на его откровения, сказала:

– Я рада за вас...

– Да. Мне только вчера матушка рассказала, что вы научили её, как за меня молиться. И ведь она молилась каждый день, перед сном по вашей схеме.

Меня рассмешило слово схема, и я улыбнулась.

– Спасибо, вам. Я хочу вас отблагодарить. Вы же не взяли с нас денег, за свою консультацию. – Павел достал конверт и протянул мне.

Я смотрела на его руку, и мне было странно и снова смешно. Брать деньги я не собиралась, ведь мне ничего не стоила та самая «консультация».

– Нет, Павел, не нужно.

– Это не деньги. Откройте конверт.

Я достала фирменный бланк компании Павла, на котором было отпечатано персональное приглашение совета директоров для меня – поступить в компанию на работу, в качестве консультанта по текущим вопросам.

– Вы, наверное, думаете, что я кто-то вроде астролога? – Рассмеялась я.

– Нет, о, так называемой, волшебной помощи речи не идёт. Я просто хочу иногда звонить вам, и советоваться о той же работе супермаркетов. Ваш взгляд со стороны, дорогого стоит.

Не было бы счастья

Порыбачить в последнюю ночь перед отъездом договорились втроём, на той стороне Волги. Погода стояла самая подходящая – полный штиль. Собрались как надо: восемь закидушек, пять бутылок водки, хлеб, полведра картошки, лук, огурцы. Сало – на всякий случай, а вдруг клевать не будет и ушицы не сварить – сойдёт с картошкой на ужин. Нагрузили свободного от спектакля Володьку, и отправили на место ещё до заката. Сами прибыли с последним паромом и, предвкушая ночь за разговорами и распитием драгоценного напитка, почти бегом прибежали к уже погасшему костру.

Володька лежал, уткнувшись лицом в песок, и храпел на всю округу. В лучах заходящего солнца было видно, что закидушки он выставлял после того как выпил. Вместо стройного ряда удочек над водой возвышался клубок перепутанных лесок.

Николай потряс Володьку за плечо:

– Водка где?

Тот, не открывая глаз, махнул рукой в сторону реки:

– Там закопал... – и снова захрапел.

Делать нечего, закатав брюки, решили пошарить дно в разные стороны от закидушек. Уже стемнело, а бутылки так и не нашли. Дело осложнилось тем, что Николай поранил руку, напорвшись под водой на стекло. Пока Константин перевязывал ему рану, тьма накрыла реку полностью. Только вдалеке мерцали габаритные огни стоящей на якоре баржи. Огней города не было видно из-за высокого берега.

– Ну, знаешь, мы так до утра шарить будем. Пусть Володька встаёт и сам ищет, где закопал.

– Верно, говоришь, Костя. Ты его разбуди, а я костёр разведу, хоть светлее станет.

Но Володька просыпаться не желал. Бурчал что-то себе под нос и отбивался. Встал только тогда, когда Константин достал из рюкзака будильник, завёл и поставил его звенеть под Володькино ухо. Тот, чертыхаясь и матерясь, полез в воду и уже через пять минут заветные флаконы были извлечены.

– Понятно, почему ты уснул – целую бутылку один оприходовал. Тебе больше не наливать!

– Это почему, не наливать? Я вам тут место приготовил, закидушки выставил...

– Что ты выставил? А ну Костя посвети ему фонариком, пусть полюбуется на дело рук своих.

Володька, увидев перепутанную леску, притих и, набрав в котелок картошки, пошёл к воде.

– Картошку не утопи, а то голодные спать ляжем.

Собрав и выбросив негодные закидушки, Николай достал и установил две запасные. Клёв в ту ночь был отменный. Быстро наловив рыбы, на котелок ухи, больше закидывать не стали. Завтра на вокзал – куда её.

За едой разговор не клеился. Виновато молчал Володька. Ему было стыдно, что испортил настроение товарищам. А Костя с Николаем, чокаясь кружками, перекинувшись дежурным – «Ну, поехали», тоже молчали.

– Ребята, я вспомнил, что хотел вам показать. Там наверху, из берега торчит сухая труба. Она большая, места хватит переночевать, нам всем троим. Вдруг дождь пойдёт. А?

– Покажи, – пробасил Константин, – на вот фонарь.

И действительно, в трёх метрах от земли зияло круглое отверстие. В темноте больше ничего разглядеть не удалось. И Николай резонно заключил:

– Чего туда лезть, берег покатый, а мы, выпивши, ещё переломаем кости. Спальные мешки у костра расстелем, по прогнозу дождя не обещали.

– Как хотите, а я полезу. Кость, ты мне посвети.

И подхватив спальник, Володька резво забрался в трубу. Его богатырский храп долго не давал уснуть Константину с Николаем. А когда они, наконец, под утро задремали, как ужаленные подскочили, от истошного Володькиного крика. Спросонья не могли понять, откуда он кричит.

– Помогите! – Доносилось сверху. – Снимите меня отсюда!

Володька сидел в трубе, свесив ноги, а мимо него проносился зловонный поток нечистот. На берегу под трубой валялся Володькин спальник и будильник Константина, который Володька прихватил с собой в трубу, чтобы не проспять первый паром.

– Что ты орёшь как оглашенный! Как мы тебя снимем? Спускайся сам, как забирался, да сразу в реку.

Володька встал, уцепившись за трубу, и попытался шагнуть на береговой откос. Но поскользнулся и, приземлившись на пятую точку, съехал с горки вниз, громко охая и ахая, подпрыгивая на кочках.

– С прибытием! До воды сам дойдёшь? Уж больно от тебя воняет, на руках то нести.

Володька исподлобья глянул на Николая, и пополз к реке на четвереньках.

Не помог и кусок мыла из рюкзака запасливого Константина. Уже на пароме вокруг Володьки скоро образовалось свободное пространство, хотя народу было много – деревенские ехали в город на работу.

После отпуска Володька гордо демонстрировал в театре новый немецкий спальник, купленный на гастролях, по случаю, у иностранных туристов.

– Я тогда отдельно поехал в вагоне, наши в другом ехали. Познакомился с ребятами из Дрездена. Они возвращались после восхождения на Эльбрус. Я пожаловался, что на Волге спальник потерял. Они мне свой продали, за тридцатник. Очень наши деньги нужны были. Хотели перейти в другой вагон, требовалась доплата.

Дело бабушки Люци

– Встать! Суд идёт!

Людмила Николаевна не плакала, пока зачитывали приговор. Судили её внука Андрея, за хранение и сбыт наркотических веществ. Бабушка рассеянно слушала монотонный голос судьи и в уме подсчитывала, сколько же денег ей удалось спрятать, до того, как пришли с обыском. Забрали всего тридцать тысяч рублей и тысячу долларов. Доллары было жалко больше всего, и Людмила Николаевна ругала себя за то, что побоялась заранее отнести их к соседям. Соседи могли выдать, а могли и не выдать, но могли и не отдать потом деньги. Так какая теперь разница! Но всё равно было жалко. Иностранная валюта всё-таки.

Бабушка подняла глаза на внука. Он стоял в окружении милиционеров и смотрел прямо перед собой. Её дочь Рая, мать Андрея, на судебные заседания не приходила. Они, как могли, скрывали, что Андрея сначала арестовали, потом шло следствие и, наконец, состоялся суд. Пока никто на работе у дочери не знал, что произошло с Андреем. Только соседи перешёптывались за спиной у Людмилы Николаевны. Кто-то был понятным во время ареста Андрея и обыска в квартире. К кому-то приходили оперативники во время следствия и спрашивали, о том, как Андрею, в течение трёх лет, удавалось торговать наркотиками, прямо у себя дома. И соседи рассказывали, что много раз вызывали милицию, когда сил уже не было терпеть выходки наркоманов, которые, купив дозу, вкалывали себе наркотик прямо в подъезде. Потом, кто-то сразу уходил, кто-то падал и лежал в полузабытьи, кого-то рвало, кто-то мочился, не вставая со ступенек. И всегда они оставляли на полу свои шприцы и пузырьки из-под нафтизина.

Но милиция реагировало слабо. Забирали того, кто находился в подъезде, а в дверь к бабе Люде и Андрею даже не стучали. Потому что никто не соглашался написать на них заявление. А теперь, расхрабрившись, соседи разносили «радостную» весть о том, что наркомана Андрюху, наконец-то арестовали. Это злило бабу Люду больше всего. «Шила в мешке не утаишь, люди всё равно узнают», – сказал как-то муж Раи, отчим Андрея. – «Сами виноваты, загубили пацана». «Много ты понимаешь!» – Подумала тогда Людмила Николаевна, но вслух ничего не сказала.

Она была искренне уверена, что попался Андрей по роковому стечению обстоятельств. Обычно, они не открывали двери незнакомцам. Все клиенты предварительно отзванивались и приезжали к чётко назначенному времени. А в то утро, чёрт дёрнул Зинку с первого этажа, прийти занять денег. Людмила Николаевна открыла соседке, и тут, откуда ни возьмись, в квартиру ворвались милиционеры в штатском. Они положили Андрея на пол, лицом вниз, и надели на него наручники, Людмилу Николаевну усадили на диван и велели не сходить с места. Зинка оказалась здесь кстати, её привлекли в качестве понятой. Но когда начался обыск с собакой, привели ещё двоих, тоже соседей с первого этажа, ненавистных Людмиле Николаевне стариков – мужа и жену Поворотовых. Поворотиха потом и растрепала на весь двор, что у Андрея изъяли две полных пластиковых полторашки белого порошка, тридцать тысяч рублей и тысячу долларов. Деньги нашли в бабушкиных вещах, а наркотики унюхала служебная собака в тайнике под батареей за обоями. Ещё три таких же бутылки с порошком были спрятаны в диване, на котором сидела Людмила Николаевна. Когда собака подошла к ней и зарычала, баба Люда наделала от страха в штаны и запричитала, чтобы её отпустили в ванную, помыться и сменить бельё. Собака сразу отошла, а милиционеры, видимо побрезговали открывать диван залитый мочой и воняющий фекалиями, и бутылки остались там, где лежали.

Когда объявили, что Андрею дали три с половиной года колонии общего режима, Людмила Николаевна плюхнулась на стул и подумала, что трёх бутылок порошка, хватит, максимум, на год. И то, если продавать потихоньку, не больше двух – трёх доз в день. Она тяжело

поднялась и пошла в сторону клетки, где сидел Андрей во время заседаний. Внук уже надел куртку и шапку, и милиционеры ждали команды, чтобы вывести его из зала суда.

– Андрюшка! – Крикнула баба Люда.

Андрей повернул голову, и сквозь зубы проговорил:

– Чего тебе? Где мать?

– Она повезла Олежку на лечение.

– Ну-ну. – Снова процедил сквозь зубы Андрей и пошёл на выход окружённый милиционерами.

– Наташка дочку родила!

Но Андрей даже не оглянулся.

Наташка, это его подружка с которой они сходились и снимали квартиру. Людмила Николаевна не знала, как они жили, Андрей не пускал её к себе. Когда Наташка забеременела, они сразу подали заявление в ЗАГС, и Людмила Николаевна радовалась, что теперь у Андрюшки всё будет хорошо. Родители Наташки были люди зажиточные. Это они оплачивали съёмную квартиру и помогали деньгами, ведь Наташка ещё училась. Но кто-то рассказал им, что Андрей конченный наркоман, и что дома у него и бабушки наркопритон. И Наташку увезли из города, пригрозив Андрею, что если он будет её искать, сдадут и его и бабушку по полной программе в милицию.

«Какой ещё притон?» – Думала Людмила Николаевна. – «Ну, приходят к Андрею друзья, ну посидят, музыку послушают и разойдутся». А на то, что после таких посиделок в мусорном ведре оказывалась куча шприцов и бутылочек из-под нафтизина, бабушка внимания не обращала. А вчера пришла Рая и сказала, что ей позвонила Наташка и сообщила, что родила девочку.

Людмила Николаевна вышла из здания суда и оглянулась на фасад. Она уже бывала здесь дважды. В первый раз, когда умер её отец, и они с сестрой меняли свои татарские имена-отчества на русские, а второй раз... Людмила Николаевна закрыла глаза.

Её поймали на базаре областного центра, когда она продавала дефицитное сливочное масло. У неё осталось всего несколько пачек, когда к ней подошли милиционеры и, проверив, чем она торгует, доставили в отделение. Установили личность и завели уголовное дело о спекуляции. Она забыла статью уголовного кодекса, по которой получила год условно, в этом самом здании. Ей запрещали работать в магазине, и пока через пять лет не сняли судимость, она мыла полы в школе. Эти годы она не забудет никогда.

Муж возненавидел её. Он был членом партии, и из-за её судимости, ему вкатили строгача по партийной линии и перевели на рабочую должность. В зарплате он даже выиграл, но отработав всю жизнь прорабом, чувствовал себя униженным в глазах сослуживцев. Тишайший святой Мансур, так называла его дочь, начал поколачивать свою половину и пить водку, которую раньше на дух не переносил. Сначала Людмила Николаевна думала, что ему не нравится, что теперь они живут как все. Даже в самые голодные годы, холодильник в их доме был под завязку забит дефицитом. Тогда она не всегда отоваривала продуктовые талоны на мясо и колбасу, хватало того, что брала без талонов в магазине. А теперь, только изредка, подружки продавцы баловали её чем-нибудь вкусеньким и дефицитным. Но, Мансур Маратович высказал ей то, что он чувствовал, только тогда, когда в начале перестройки, управление, где он проработал всю жизнь, обанкротилось, и его первым сократили и отправили на досрочную пенсию.

– Говорила мне мать, не женись на девке, которая имя своё поменяла и даже отчество. Предала она родителей своих, веру и народ татарский, предаст и тебя, дурака.

И тогда Людмила Николаевна поняла, что муж считает её виноватой в своих неприятностях на работе. Она сказала ему, что никого она не предавала, отец уже умер, а мама разрешила. А имя сменила, потому что ещё в школе их с сестрой сильно дразнили и не давали прохода сверстники, обзывая татарками за нерусские имена Люция и Маршада, и неказистое отчество –

Ниязбаевны. Зато в ПТУ и потом на работе, никто уже не дразнил Людмилу и Марию по отчеству Николаевны, а фамилия Надеровы – похожа на русскую и никого не смущала. И если работа ему дороже семьи, то он может идти на все четыре стороны. А муж, только в очередной раз поколотил её. Дети не знали, что отец начал бить мать, а она не решалась пожаловаться. Ведь пришлось бы объяснять, почему их отец так изменился, сын, и дочь не знали про её судимость. В глубине души Людмила Николаевна чувствовала, что Мансур был по-своему прав. Но она привыкла никогда и нигде не признавать своей вины, и поэтому, разговаривая с сестрой и мамой, проклинала его, на чём свет стоит.

Однажды, пьяный Мансур особо жестоко её избил, и она приехала к сестре вся в синяках. Машка внимательно на неё посмотрела и предложила ей вспомнить, как их, уже умершая мать, разобралась с отцом – деспотом.

– Ты хочешь сказать, что я смогу? – Удивилась Людмила.

Их мать хорошо знала татарское колдовство и научила ему своих дочерей. Людмила часто использовала мамины «шепотки», когда была в том нужда. Но дальше наговора на удачу, «присушки» нужного человека, или отвода глаз недругу, она никогда не заходила. А тут, надо было провести целый ритуал – на смертельную остуду. И у неё не получилось. Три года она безуспешно пыталась навести убийственную порчу на собственного мужа. Потом поехала к родной тётке, узнать, почему не получается извести мужа, как мать извела отца.

Тётка внимательно на неё посмотрела и спросила:

– Ты действительно этого хочешь, Люция? – Назвав племянницу её родным именем.

Людмила кивнула и заплакала.

– Он так сильно бьёт меня, что сил уже никаких нет.

– Тогда запомни, дочка, что твоя мать после смерти мужа, хоть и прожила спокойно тридцать лет, но была проклята. И один Аллах знает, судьбу её души на том свете. Потому что разбудила она силу, человеку неподвластную, и за помощь свою дорогую плату берущую.

Тётка поворчала, но всё-таки научила, как довести смертельный обряд до конца. И ещё не доехав до дому, Людмила начала читать заклинания. Очнулась она в магазине около своего дома, и поняла, что впадала в транс, сама того не заметив. Тётка предупреждала, что такое может быть, смертельные заклинания отбирают все силы у того, кто их читает.

Через две недели её Мансур умер от инфаркта.

– Женщина, вам плохо? – Дежурный милиционер коснулся её плеча.

Людмила Николаевна открыла глаза.

– Нет. Всё хорошо, я просто жду, когда повезут в тюрьму моего внука. – Пролетела она.

– Так машина давно ушла. – Сказал милиционер.

Людмила Николаевна посмотрела на часы. Она простояла рядом с главным входом в здание суда двадцать минут с закрытыми глазами. «Надо же, что вспомнила» – подумала она и пошла не торопясь к автобусной остановке. Но воспоминания не оставили её и она продолжала думать о том, как жила после смерти мужа.

Ещё лет за десять до того, как умер Мансур, её дочь разошлась с первым мужем, а сына Андрейку постоянно оставляла родителям, пока ходила беременная вторым ребёнком, от второго мужа, и когда родила. Мальчик родился слабеньким, постоянно болел, в маленькой квартире места на всех не хватало. И когда Андрей пошёл в школу, Рая решила, что он переедет к бабушке с дедушкой, и поживёт у них, пока она не получит квартиру побольше. Квартиру всё не давали, а Андрюшка считал, что мать его бросила и, подрастая, становился неуправляемым. С озлобленным подростком, было непросто. И только Мансур находил с ним общий язык.

И вот деда не стало, и Андрея как подменили. Тринадцатилетний мальчишка не ставил бабку ни в грош. Рая, забрала было сына к себе, но он сам вернулся к бабушке. Здесь Андрей чувствовал себя свободным. В открытую курил, часто приходил с запахом спиртного. Он забросил учёбу и к шестнадцати годам уже принимал наркотики. Долгие десять лет Люд-

мила Николаевна терпела от внука издевательства, и даже побои, и несколько раз проводила ночи в подъезде, когда внук приводил компании и выгонял её из дома. Людмила Николаевна ничего не говорила дочери про то, что он начал пить и принимать наркотики, тем более про то, что не пускал её в квартиру по ночам. А внук требовал с неё деньги.

Уволившись из магазина, где в отсутствии дефицита, работать, не было никакого смысла, Людмила Николаевна пошла под хозяйку на вещевой рынок. Там она развернулась на славу. Умело подтасовывая цены, она получала приличный навар для себя, а хозяйка ничего не замечала, и Андрюшка получал всё, что хотел.

Но всё выяснилось само собой. Андрей втянул в свою компанию младшего брата, подсадив его на иглу. Олежка болел астмой и однажды потерял сознание дома, прямо за обедом. Его отвезли в больницу, и врач сказал Раисе, что это не приступ астмы, это аллергия на сильный синтетический наркотик, следы которого нашли в крови Олега. Потом Олег, испугавшись, что умирает, признался родителям, что наркотики, уже почти год, давал ему Андрей. Муж Раисы пришёл, избил пасынка и запретил приближаться к Олегу. Но Андрей только посмеялся вслед отчиму.

Людмила Николаевна кое-как утихомирила дочь и зятя, но однажды к ней приехал сын Марат, которого она не видела со дня похорон Мансура. Сын только иногда звонил ей, спрашивал, как дела. Марат был очень близок с отцом и как будто чувствовал, что не всё так просто с его смертью. Ещё на поминках, он спросил мать, почему она не плачет, и Людмиле Николаевне было нечего ему ответить.

– Мама, а где Андрей? – Спросил Марат.

– Уехал на работу. – Соврала Людмила Николаевна. Она почувствовала неладное и, заикаясь, спросила: – А что он натворил?

– Он насильно вколол в вену наркотик моим мальчишкам. Позвал на пикник на берегу, напоил водкой, а потом уговаривал попробовать наркоту. Как он говорил – будет кайф. Когда они не согласились, скрутил их по очереди и вколол. Ирис сам справился, а Хисам попал в больницу.

Людмила Николаевна упала на диван, схватившись за сердце. Теперь уж она точно никогда не увидит сыновей Марата, близнецов Ириса и Хисама, которым недавно исполнилось шестнадцать лет. Сноха и так не хотела с ней общаться, и не пускала детей в её дом. Слава богу, что тогда Марат с женой не написали на Андрея заявление в милицию.

Каким-то чудом, до Марата ещё не дошло, что Андрея арестовали. Если он узнает, что Андрея осудили, он не то что больше не придёт к ней, но и звонить перестанет.

«Никому-то ты не нужен, кроме меня, Андрейка». – Подумала Людмила Николаевна, выходя из автобуса на своей остановке. Она купила три бутылки водки и, придя домой, позвонила сестре. Они просидели с Машкой до полуночи, выпив всю водку. Людмила Николаевна пошла, провожать сестру. На свежем воздухе её развезло от выпитого, и она, возвращаясь домой, упала в подъезде, и проспала там всю ночь, пока в шесть утра её не разбудил сосед, который пришёл с ночной смены.

В первые месяцы отсидки внука, Людмила Николаевна не трогала наркотики. Но однажды Рая попросила у неё взаймы большую сумму денег, и бабушка решила достать наконец бутылки с порошком из дивана. Потому что отдала дочери почти все деньги, которые у неё оставались. К ней иногда приходил друг Андрея, и она как-то намекнула ему, что снова будет продавать наркоту, но уже не дома, а на рынке. Парень кивнул и обещал присылать покупателей. На свидании с внуком, Людмила Николаевна спросила у него, сколько теперь просить за дозу, и Андрей, усмехнувшись, назвал ей цену. Наркотики подорожали вдвое. Бабушка быстро прикинула, что купленный по старой цене порошок, покроет издержки, которые они понесли при аресте внука и ещё останется. А Андрей сказал:

– Тебе будут привозить товар, два раза в месяц. Будешь отдавать деньги сразу и ещё платить курьеру за такси.

Но учить Людмилу Николаевну было не надо, она давно умела всё – фасовать порошок на дозы, общаться с курьерами и незаметно передавать покупателю товар. Новым было только то, что нужно было самой платить кому-то за «крышу» в милиции. Но Андрей её успокоил, что когда будет нужно, к ней придут и заберут деньги.

Дело пошло, и Людмила Николаевна, чтобы задобрить зятя, не взяла у дочери, взятые в долг сорок тысяч. К моменту возвращения внука из тюрьмы, в тайнике у Людмилы Николаевны лежало триста тысяч рублей. Она понимала, что будь Андрей дома, она бы никогда не накопила такую сумму, и очень переживала, что когда внук вернётся, сразу растратит эти деньги. Но Андрей не стал трогать бабкины накопления и принялся зарабатывать с удвоенной силой. Как-то внук проговорился, что пока он сидел на нарах, на тот свет отправились почти все старые клиенты, и теперь приходится искать новых.

Что такое искать новых, бабушка прекрасно знала. Андрей и его товарищи, часто околачивались рядом со школами, и умело подсаживали на иглу школьников. Примерно через год, Андрюшка наладил новую сеть клиентуры и решил, что больше не будет бегать по улицам. Он снова начал торговать наркотой дома.

Людмила Николаевна с восхищением наблюдала, как покупатели подъезжают к подъезду на такси, двое выходят и расходятся к соседним подъездам и встают на «шухер». Потом из машины выходит третий, он то и поднимается в квартиру за дозами. Андрей строго настрого приказал никому в подъезде не задерживаться и уезжать сразу по получении товара. Соседи ехидно подкалывали бабку – прямо целый спектакль, только рожи у актёров на хрен похожи. А она говорила, что Андрей больше не торгует наркотой, а приезжают к нему ребята, с которыми он вместе учится в институте.

– Глупее ничего придумать не могла? – Сказал ей внук. – Какой институт, я же из дома почти не выхожу. Молчи в тряпочку, старая дура.

Но вскоре эта схема купли-продажи дала трещину. Снова в подъезде начали оставаться и колотья наркоманы. На площадке между этажами собиралась левая молодёжь и принимала наркотики, купленные в другом месте. Соседи скинулись и поставили железную дверь с кодовым замком, но уже через неделю код был известен все желающим, потому что его нацарапали гвоздём на двери.

Андрей злился, но поделаться ничего мог. Конкуренты торговали новыми, более удобными для принятия наркотиками и сами «не сидели на товаре», они не были наркоманами, и постепенно переманили всю его клиентуру. Только Людмила Николаевна, у себя на рынке, по-прежнему обслуживала постоянных покупателей, но и тех становилось всё меньше. Они один за другим умирали от передозировки.

Как-то пришла Рая и показала сыну фотографию его дочери. Девочке исполнилось четыре года, и она жила с матерью в Израиле. Андрей заметался, потребовал деньги, хотел поехать к дочери, но ему не выдали загранпаспорт из-за не снятой судимости по тяжёлой статье. И он принялся пить, одновременно колотья, а потом дебоширить. Благо, что из дома он уходил, и соседи ничего не знали о его срывах. Дважды его забирали в милицию, но оба раза отпускали без последствий.

Весна в тот год выдалась ранняя. На День Победы стояла июльская жара, но Андрей целый день не выходил из дома. И только вечером ушёл посмотреть салют. Вернулся он утром, его трясло и Людмиле Николаевне показалось, что он не понимает, что с ним происходит. Уложив его в постель, Людмила Николаевна позвонила дочери. Рая работала медсестрой и прекрасно знала, как выводить сына из таких состояний. Но когда она приехала, Андрей уже умер.

Мать и дочь смотрели друг на друга, словно не знали что делать. Наконец Рая сказала:

– Нужно позвонить в скорую, зафиксировать смерть.

Людмила Николаевна так растерялась, что забыла про то, что в квартире спрятаны наркотики и большие деньги. Ей и в голову не пришло, что через пятнадцать минут после скорой приедет милиция. На этот раз нашли всё – и деньги и наркотики. Ехидная Поворотиха, которую снова пригласили как понятую, сказала, глядя, как у Людмилы Николаевны трясутся руки: «Ну что, Людка, сегодня не обделаешься?» «Чтоб ты сдохла!» – подумала про себя бабушка, и попыталась не отдать деньги, сказав, что это накопления всей её жизни, но их всё равно конфисковали. Усталый следователь сказал, что если докажете, откуда у вас эти деньги, их вам вернут. Но когда начались разбирательства, всплыла её судимость за спекуляцию, и деньги ушли безвозвратно.

Не успели похоронить Андрея, пришли с обыском в квартиру Раи. Кто-то из наркоманов проболтался, что теперь наркотиками торгует Олег. Рая прибежала к матери и долго не могла говорить, потому что у неё на балконе нашли наркотики, приготовленные на продажу и семьдесят тысяч рублей. Олежку арестовали. Людмилу Николаевну таскали в милицию, и сначала она проходила по делу, как соучастник преступления. Но потом ничего не смогли доказать и переквалифицировали её в свидетели. Хотя она знать не знала, что Андрей привлёк к своей торговле Олега.

Людмила Николаевна слегла и не пошла на суд младшего внука. Она не сомневалась, что его посадят и переживала за то, как он будет сидеть в тюрьме со своей астмой.

От Раи ушёл муж. Это не было неожиданностью. Людмила Николаевна знала, что он уже давно нашёл себе другую женщину, и в открытую возил её на той самой машине, которую купили на деньги, которые дала она, Людмила Николаевна.

– Как же так, он же проклял нас за наркоту, а сам ездит на машине, купленную на деньги от продажи наркотиков? – Спрашивала она у дочери.

Через полтора года в тюрьме умер от передозировки Олежка. Сестра напомнила Людмиле Николаевне о смертельном заклятии, которое было наложено на Мансура.

– Платишь, Люция, платишь дьяволу. – Говорила Машка, приняв на поминках Олега полстакана водки. – И имя у тебя дьявольское. Русские называют дьявола Люцифером.

Людмила Николаевна не слушала сестру, она увидела, как в столовую вошёл отец Олега, да не один, а со своей новой женой. Баба Люда подскочила из-за стола, покрыла их трёхэтажным матом и велела убираться вон.

– Мама, ты чего, с ума сошла? – Говорила потом Рая. – Это я его позвала, он же Олежкин отец.

А подвыпившей Людмиле Николаевне было жаль тех денег, что она дала на машину и плевать на то, кто чей отец.

Посадил дед...

Мой дед Фёдор Николаевич, когда вышел на пенсию, заделался огородником. Всеми правдами и неправдами он пытался спровадить из огорода бабушку, и распорядиться посадками по-своему. Когда он посадил картошку на место помидоров, бабушка молчала, когда посадил кабачки на место капусты, тоже ничего не сказала. А вот за огурцы, у них вышло целое сражение. Мне было лет шесть, и я прекрасно помню, как бабушка бегала с лопатой за дедом по огороду, и обзывала его вредителем, а он её контрреволюционеркой. И всё-таки, огурцы они посадили по дедову – на место бывшего цветника с ирисами и флоксами. Цветы же, дед милостиво позволил бабушке, посадить возле домика.

Урожай в тот год получился так себе. Капуста на новом месте не уродилась, помидор было мало, а огурцов и вовсе не было. А вот картошка порадовала – накопили больше, чем обычно, раза в три.

– Только варенья и наварила, потому что не дала ему клубнику пересадить. А солёные огурцы придётся в магазине покупать. – Ворчала бабушка, убирая пустые банки, приготовленные для солений.

Когда пришло время вывозить картошку, приехал старший сын бабушки и дедушки – мой дядя Юра, на милицейском УАЗике. Он расхаживал по огороду босиком, с голым торсом, и в форменных галифе на подтяжках. А я ходила за ним по пятам, и всё ждала, когда мы поедем домой на этой смешной машинке. Но дядя Юра не спешил грузить мешки, он явно наслаждался моментом. Надёргав моркови, он вымыл её в бочке, и мы, усевшись на скамеечку, грызли вкусную морковку, и болтали о том, о сём. Когда нас увидела бабушка, схватила веник и побежала к нам, возмущаясь:

– Да, что же это такое делается! Оставила немного моркови в грядке на весну, а они её уже трескают! Мало мне того, что дед весь урожай испоганил!

Мы с дядей Юрой бросились врассыпную, чтобы не огрести по загривку веником. Дядя Юра, на бегу развернулся и, расставив руки в стороны, пятился, и как-то по-собачьи подвывал:

– Ну, мам, не надо, ну мам...

И тут он поскользнулся, и рухнул со своего двухметрового роста на кусты смородины. До сих пор у меня перед глазами эта картинка – дядя Юра лежит в кустах в позе «звёздочка», и на него осыпались все листья смородины. А бабушка, резко остановившись, шипит как змея:

– И чего я тебя весной не догнала, и лопатой не прибила!

– Мам, за что? – Простонал из кустов дядя Юра.

– Да не тебя! – Бабушка бросила в дядю Юру веник, и гаркнула не своим голосом: – Выходи, змей подколотный, «Мичурин» хренов, полюбуйся на свои результаты!

Дед, потягиваясь, вышел из домика и спокойно спросил:

– Чего раскричалась на всю Ивановскую? Какой я тебе «Мичурин»?

Бабушка, молча, показала ему на дядю Юру, и дед, быстренько застегнув свой старенький пиджачишко, и втянув шею, затрусил к калитке. А дядя Юра лежал в обнимку с веником, а вокруг него, с кустов смородины, свисали огурцы – огромные и жёлтые.

– Десять вёдер! Десять вёдер! Я бы тридцать банок закрутила! – Причитала бабушка, пока дядя Юра собирал запоздалый урожай огурцов, и складывал их во всю пустую тару, какая только нашлась в огороде.

А Фёдор Николаевич, стоял за забором, дымил своей папирской, и изящно облокотившись на калитку, как ни в чём не бывало, беседовал с молодой соседкой.

Много лет спустя, я попала на концерт юмориста Петросяна. И когда он начал очередную репризу словами: «Посадил дед репку, и выросла большая ёлка, а на ней красные яблоки...» – я вспомнила, как мой дядя Юра лежит в кустах смородины, а вокруг него висят толстые, жёлтые

огурцы. А Петросян продолжает: «Потом Мичурин полез на ёлку за укропом, и его арбузами завалило...»

Пиковый туз

Когда у Пелагеи Фёдоровны погиб старший сын Валериан, она и не знала, как жить дальше. Из старой квартиры их выселили ещё в восемнадцатом – освобождали дом, под какое-то учреждение, и с тех пор они ютились в полуподвальном помещении у вдовы брата мужа. А у той своих – мал, мала, меньше. Сын был членом ревкома и ему обещали подобрать жилье. Но теперь его не стало, и про Пелагею Фёдоровну забыли. Дело было к зиме, и уже отчаявшись дожидаться вызова в ревком, Пелагея пошла сама.

На удивление, её очень хорошо приняли и направили посмотреть квартиру в новом доме на Розочке. «Какой ещё Розочке?», думала Пелагея Фёдоровна, пока не вспомнила, что переименовали Магистратскую в Розы Люксембург. И вот она стоит в комнате, где ещё никто не жил и вдыхает запах свежераспиленного дерева. «Надо поскорее вселяться, чтобы успела просохнуть до зимы. Ничего, что только комната и кухня, всем места хватит». Пелагея не хотела вспоминать про свою четырёх комнатную квартиру на Миллионной, где они жили до семнадцатого. Новое начальство железных дорог переселило её большое семейство сначала в соседнюю двухкомнатную, а потом и вовсе выставило на улицу. Никому не было дела, что её муж Николай Владимирович, считался пострадавшим во время черносотенного погрома в пятом году. Старое руководство Сибирской железной дороги платило ей пенсию, после того, как бывший главный бухгалтер управления Сибирской железной дороги Николай Владимирович Баранов тронулся умом, а потом застрелился. Но после семнадцатого про пенсию пришлось забыть. Только старшие дети работали, и семья почти не бедствовала. Пока не погибли мальчики... Пелагея облокотилась на новую, добротную сложенную печь и закрыла глаза.

В тот день Николай пошёл навестить свою сестру Марию, по мужу Вронскую, которая приехала на осень в Томск с сыновьями. Дети звали её тётя Маня. Вронские постоянно жили в Омске, а в Томске держали небольшой дом и контору. Глава семьи владел несколькими пароходами, которые возили грузы по Оби, Иртышу и Томи. Начался сезон охоты, и племянники почти каждый день уходили в охотничьи угодья отца за рекой. Когда старший сын Марии Константин вернулся домой, он поставил своё ружьё за дверь в кухне и пошёл переодеваться. Как Николай оказался на кухне, за минуту до этого распевавший с сестрой песни под гитару, никто не заметил. Выстрел грянул, как гром среди ясного неба. Бедняга подставил двустволку к подбородку и спустил оба курка. Он разнёс себе голову, и мозги вылетели в потолок.

Потом, сколько потолок не скоблили и не белили, Николаевы мозги всё равно проступали. Мария так и не успела разобрать потолок и поставить новый, как собиралась. Наступило смутное время, когда власть переходила из рук в руки, злополучный дом сгорел. А Костя Вронский, погиб на Иртыше, когда уводил из под носа у белых свои пароходы, которые Вронский старший передал советской власти. Теперь в Омске есть улица его имени. «Но что толку от того, что люди живут на улице имени молодого талантливого человека – инженера по пароходам. – Думала Евдокия Фёдоровна. – Он то погиб во цвете лет, как и мой мальчик. Его мать Мария не справилась с горем и умерла, не дождавшись сорокового дня со смерти сына. А вот я живу. Кому кроме меня нужны мои младшенькие Таська и Кенка?»

Новоселье справили скромно. Из старой мебели, что хранилась в сарае, в квартиру всё не поместилось, и Пелагея раздала родне остатки былой роскоши.

Младшие дети уже спали, когда Пелагея и её старшие дочери Агния и Мария сидели в кухне и вспоминали, своё былое житьё – бытьё на Миллионной. Школу, где все ученики собирались на завтрак у большого самовара, который кипятил дворник, сумочки для тетрадок, которые отец смастерил из своих старых портфелей. Собаку Динку, большую верную дворнягу, и детдом, где целый год трое младших детей – Маруся, Тася и Кена переживали голод в восемнадцатом.

Пелагея всплакнула и опустила руку в карман фартука за платком, утереть слёзы.

– Смотрите, девочки, что в кармане заваялось. Откуда не знаю. – И Пелагея Фёдоровна выложила на стол колоду игральных карт.

– Мам, а ну давай погадаем на новом месте – на сейчас, через час, к вечерочку, на всю ночку! – Засмеялась Агния.

– А давай! – И Пелагея ловко стасовав карты, со совами: – На сейчас! – Выкинула одну на стол.

– О, Господи! – Сказали хором мать и дочери и перекрестились. Выпал пиковый туз. И тут звякнуло и разбилось оконное стекло, и погасла керосиновая лампа над столом. Кто-то выстрелил в лампу с улицы.

– Вот мы горе новосёлы. – Сказала Агния. – Окно не занавесили.

– Нет, дочка, – отозвалась Пелагея Фёдоровна. – Быть в этой квартире чему-то похожему на этот случайный выстрел. Но раз мы все остались невредимы, то и в другой раз, никто не пострадает.

В сорок четвёртом году, когда Пелагеи Фёдоровны уже не было в живых, её внук, старший сын Агнии Юрий, чуть не убил своего младшего брата Бориса, офицерским кортиком, в этой самой кухне.

Сплетня

В каждом многоквартирном доме, обязательно найдётся хотя бы одна семья, где любят выпить. В нашем подъезде было две таких семьи, которые почти каждые выходные кооперировались, чтобы посидеть за рюмкой чая, в приятной компании друг друга. Одна такая семья Соловьёвых, состояла из пожилой тётки Вали, и её сына Александра, который совсем недавно вернулся из мест не столь отдалённых. Александр отсидел пятнадцать лет, и вернулся домой на уровне сознания того двадцатипятилетнего молодого человека, которым угодили за решётку. Первое, что он сделал – вынес на балкон колонку от магнитофона и сутками напролёт крутил блатные песни. Ему было невдомёк, что так больше никто не делает, даже подростки. Мода на «озвучку» улицы, прошла лет десять назад.

А ещё, в первые месяцы после возвращения домой, Сашка строил из себя главного на районе, некое подобие смотрящего в воровской среде. И было смешно до колик, когда этот совершенно отставший от жизни «неандерталец», пытался доказать подвыпившему преподавателю философии, как надо правильно верить в бога. А Юрий Пальч, тот самый дипломированный философ, на – раз, два, обратил Саньку в мусульманство. Правда, ни тот, ни другой, на утро и не вспомнили про свою пьяную «дискуссию», но зато повеселили соседей. Потом Санёк завязал с этим своим хобби – «строить» всех подряд, говорят, что после того, как ему кто-то помоложе и пошустрей, просто вставил пару раз в солнечное сплетение. И Саня намёк понял. Он быстро переключился на занятие более приятное – контролировать точки, где нелегально торговали спиртом. Сашкин контроль, кстати, весьма, условный, быстро свёлся к тому, что Саня был просто в курсе цен и качества товара, и довольно часто сам отоваривался этим «горючим», для последующего его употребления в той самой приятной компании.

Естественно, в процессе распития крепких спиртных напитков, случалось всякое. Компания соседей периодически выясняла отношения на кулаках, иногда пела песни или плясала под зажигательный шансон. Я в то время работала в театре, и возвращалась после спектаклей довольно поздно. Однажды, далеко за полночь, поднимаясь по лестнице на свой четвёртый этаж, я услышала, как за дверью квартиры семьи Соловьёвых, Сашкина мать тётка Валя, изо всех сил подпевает играющей на магнитофоне песне «Ветер с моря дул...», и от души притоптывает в такт мелодии. Ну, поёт и поёт, я пошла дальше, слегка посмеявшись про себя.

Наутро тётю Валю увезли по скорой, с острым отравлением. Видимо спирт, который она пила накануне в компании сына, оказался палёным. На какое-то время соседские посиделки прекратились. Другая соседка, завсегда Сашкиных пьянок, рассказала мне, как Сашка ходил и наводил порядок на точке, где ему продали палёный спирт. А я ей сказала, как удивилась, что тётка Валя, той ночью пела и пританцовывала возле входной двери, видимо уже «работало» отравление.

Прошло несколько дней. В то время, ещё не было контейнеров, и два раза в день приходила мусорная машина, собирая на улице, в её ожидании, всех соседей. Однажды утром я выносила мусор, и когда уже возвращалась домой, встретила слегка припоздавшего Сашку Соловьёва, который шёл мне навстречу с маленькой кастрюлькой, доверху наполненной картофельными очистками. Он держал кастрюльку двумя руками, но всё равно очистки высыпались на асфальт, потому что Сашку трясло с похмелья. Увидев меня, Сашка остановился и выпалил без всякого предисловия:

– Ты почему сплетничаешь про мою маму?

Я оторопела, так как не помнила за собой такого греха:

– А в чём дело, Саша, что я такого сказала про тётю Валю?

Сашка сдвинул брови, было видно, что он пытается что-то вспомнить, но, видимо, не мог. Наконец, он поднял глаза и прошипел:

– Ты сказала, что она поёт и танцует!

Я больше никогда в жизни так не смеялась в лицо человеку. А Сашка, никак не ожидавший от меня такой реакции, повернулся, и побежал к мусорной машине, испуганно оглядываясь. Когда он возвращался, то попытался пройти мимо, как ни в чём не бывало, но я остановила его:

– Знаешь, Саша, если бы я сказала, что твоя мама сделала аборт в свои семьдесят с лишним лет, это была бы сплетня. А то, что она поёт и танцует в своём возрасте, это не сплетня, а комплимент.

Уйти за радугу

Когда несколько лет назад съехала моя соседка по площадке – Лорка собачница, перекрестился весь подъезд. Лорка разводила мелких той терьеров и персидских кошек. Сначала я не оценила серьёзность ситуации, что когда в соседней квартире живёт один развязанный той – кобель, пять той сучек детородного возраста, три кошки и кот, можно забыть о спокойной жизни. Когда хозяйки этого мини зоопарка нет дома конечно.

Тои – «звонки» по своей породной принадлежности. Если той один, ещё куда не шло, а вот когда их шесть и «поголовье» постоянно, пусть и ненадолго, увеличивается за счёт народившихся щенков, это уже испытание нервной системы для соседей в доме с нулевой звукоизоляцией. Если животные оставались в квартире одни, начинался «концерт» лая и подвываний. Иногда к ним присоединялись течные кошки, которые просили кота и орала громче тоев, а кота Лорка предусмотрительно закрывала в ванной. Беременеть и рожать её кошки и собаки должны были строго по плану.

Лорка успевала всё: работать на государственной службе, возиться с собаками и даже бутылки на улице собирать на сдачу. Кроме того, она оказывала услуги платной собачьей акушерки – приводила в дом чужих беременных собак и принимала у них роды.

Единственный сын Лорки приходил с учёбы в обед, и если он был дома до прихода Лорки, наступало затишье до нового утра. Но дело молодое и мальчишка часто уходил по своим делам, сразу после учёбы. И тогда с семи до семи соседи слушали перманентный собаче – кошачий концерт. А когда сынок Лорки сбежал на съёмную квартиру при первой возможности, начался полный фентифляс.

Я человек по натуре не скандальный, к тому же очень люблю собак и терпела до последнего, и никогда с Лоркой не ссорилась. Даже тогда, когда по её милости в нашем подъезде у всех соседей появились клопы. Мы не могли их вывести два года, хотя травили по графику все вместе. И только потом выяснилось, что Лорка, с умным видом соглашаясь с необходимостью потравы, никого травить не собиралась, чтобы не навредить своим питомцам. Но однажды старший по подъезду её вычислил, и даже выяснил, что клопов в подъезд притащила именно Лорка, когда принесла в дом старый диван с помойки, где и был рассадник кровопивцев. На этом диване спала её мать и чтобы клопы её не кусали, поливала себя на ночь репеллентом. Диван из квартиры Лорки выносили с милицией, а она ещё в драку кидалась и качала права, дескать, никто не имеет права выбрасывать её личные вещи!

Однажды в квартире Лорки появилась старенькая мопсика Лиза. Если своих тоев Лорка не выгуливала, то с этой девочкой ей приходилось гулять. И однажды на улице Лорка рассказала мне душеспитательную историю жизни этой бедной собачки.

Оказывается, мопсика прожила восемь лет у заводчиков, где непрерывно производила на свет потомство на продажу. И вот настал момент, когда рожать мопсика была уже не в состоянии и хозяева приготовили её к усыплению. А сердобольная Лорка пожалела собачку и забрала к себе – доживать достойную старость в окружении собратьев. Я аж проследила и всерьёз зауважала Лорку.

Но не прошло и полгода, как это моё уважение, как ветром сдуло. Возвращаясь как-то домой, я встретила на лестнице Лорку, которая несла на руках щенка мопса. Сначала я подумала, что это та самая старенькая девочка, но пёсик был меньше, и у той мопсика была седая мордочка. Обычно я не лезу в чужие дела, а тут от удивления спросила:

– Ты себе ещё одного мопса завела?

На что Лорка спокойно ответила:

– Правда что, Лизка родила шестерых. Вот понесла продавать последнего.

– Так ты же говорила, что взяла её на достойную старость, и что она уже выносить никого не может.

– Ну, говорила. Подумаешь, старость, что теперь и не жить уже. Как видишь, выносила и даже выкормить успела.

– Что значит успела?

– На той неделе сдохла от старости. Мы сами щенков докармливали.

Дурдом из поливалки

Давно это было. Улицу, на которой я живу, решили облагородить. Вырубили старые тополя и посадили яблоньки. Маленькие саженцы заботливо огородили и регулярно поливали. Приезжала большая поливальная машина, и медленно ехала вдоль бордюра, а рядом с машиной шёл рабочий и аккуратно поливал саженцы из шланга. Ну, просто загляденье!

В один прекрасный день пошёл дождь, да не просто дождь, а ливень. Он шёл уже больше двух часов, а мне, как на зло, нужно было идти на работу. И вот дождавшись, когда ливень слегка умерил свою силу я, укрывшись зонтом, побежала на остановку автобуса. Бегу, и вдруг вижу, что впереди меня остановилась та самая поливалка. Из окна кабины виднелась чья-то рука, которая держала шланг и поливала саженец яблоньки! Я от такого поворота остановилась и пыталась сообразить, что же происходит. Идёт проливной дождь, газон уже затопило так, что лужи в траве хлюпают, а заботливые садовники всё равно поливают яблоньки!

Пока я стояла, раскрыв рот, мимо прошёл мужчина, и проворчав: «Дурдом!», пошёл своей дорогой.

Поливалка тоже поехала дальше, останавливаясь у каждого саженца, и я уже не бегом, побрела на остановку. Из-за зонта я не сразу увидела, что на тротуаре стоит дяденька, и я чуть не упала, когда с ним столкнулась.

– Девушка, – обратился ко мне товарищ. – Там в кустах лежит человек, мне кажется, что он умер.

– А почему вы так решили? – Удивилась я.

– Он не шевелится. Дождь его поливает, а у него и руки посинели. Посмотрите, пожалуйста.

– А почему сами не посмотрели?

– Я боюсь...

«Ну, твою мать, размазня несчастная», – подумала я и свернула в кусты. Там, на самом деле валялся мой сосед алкаш Юра, по прозвищу Самогон. Вид у него, и в правду был невзрачный. Он лежал на спине, и дождь щедро поливал его лицо. Я остановилась, соображая, как проверить, жив он или умер. И тут ко мне подошёл тот самый прохожий трус и протянул ветку.

– А вы потыкайте его веткой...

– Да, пошёл ты! – Рывкнула я и сорвала травинку. Я щекотала Юру под носом и по закрытым глазам, но Юра не шевелился. И тут меня осенило. Я подошла к поливалке, которая как раз остановилась рядом и попросила облить Юру из шланга под напором. Мужик, который держал шланг, сразу всё понял и, засмеявшись, направил струю воды в лицо бедному Юре Самогону.

Сначала «мёртвый» Юра чихнул, потом закрылся руками от струи, потом встал на четвереньки и, не оглядываясь, пополз в сторону дома.

На работу я еле успела. Всю дорогу вспоминала, как мужики из поливалки ржали, глядя на уползавшего Юру, и приговаривали: «Вот и мы не зря сегодня отработали! Человека оживили!»

Кровь из вены

Перед педагогической практикой в пионерском лагере, нужно было пройти медосмотр, в том числе сдать кровь из вены. Я и сейчас отворачиваюсь, когда игла касается кожи, а тогда мне было восемнадцать лет, и меня просто трясло от перспективы пройти через сдачу этого анализа.

С утра народу на сдачу крови много. В кабинет запускают по двое. Со мной вместе зашёл парень, на вид лет двадцати, спортивного телосложения, сейчас таких называют «качки». Я собрала всю свою волю в кулак, и чтобы не опозориться перед симпатичным юношей, стойчески выдержала и прокол, и вид крови стекавшей в пробирку. Пока кололи меня, парень работал кулаком. Я ещё подумала: «Все вены на виду, тётенька не промахнётся».

И вот, я гордо сижу, зажав руку, а медсестра подходит с иглой к парню. Мама дорогая, что тут началось! Мальчонку затрясло, он, то бледнел, то краснел и даже расплакался. И ему было абсолютно всё равно, что рядом сижу я и смотрю на эту его, так сказать, истерику.

Я вылетела из кабинета на крейсерской скорости, и бежала до самой остановки автобуса. Я просто не хотела больше встречаться с этим парнем.

Через месяц мы всё-таки встретились – в пионерском лагере, он тоже проходил там практику, работал физруком. Он пытался со мной познакомиться поближе и искренне недоумевал, почему я на дух его не переношу. А потому что.

Мелочи жизни

В поле для статуса написано: «О чём вы думаете?». Мой мужчина тоже любит задавать этот вопрос. Сегодня решила ответить честно: «Почему-то в последнее время сыр перестал плавиться, и корочка не получается. Он тупо поджаривается и на рыбе, и на картошке, и на мясе». Френд долго ржал, а потом вполне серьёзно выдал: «Как можно думать о такой ерунде?»

Мы порассуждали о том, что может сыры уже не те, или у меня стали руки расти из другого места. А когда я задала встречный вопрос – а ты о чём думаешь, спокойно ответил, что уже два раза гонял «ласточку» в сервис, перебрал всё, что мог в гараже, а она всё равно почему-то не заводится, если на улице – 20...

Реплика в сторону

Одна из самых интимных, проникающих медицинских процедур, называется гастроскопия. Кто испытал, тот поймёт. Так вот, вытащила сегодня из меня врач этот гастроскоп и говорит медсестре: «Готовьтесь, через полчала едем в реанимацию. Сейчас подготовлю документы». Пока она поворачивала голову в мою сторону, перед моими глазами пронеслась вся жизнь, и помаячило, по крайней мере, три страшных диагноза – язва с прободением, пиелонефрит какой-нибудь, ну и он, который сидит в пруду. А она так спокойно продолжает:

- Ольга Борисовна, не вижу ничего страшного, немного обострился ваш лёгкий гастрит
- А в прошлый раз была только гиперемия... – Простонала я в ответ.
- Она и сейчас есть. – Ответила врач, повернулась и ушла заполнять мою карту.

Страсти по дивану

В середине восьмидесятых прошлого века я жила в столице. Однажды, как самую молодую, послал меня директор на товарищеский суд в один из ДЭЗов. А судилась наша сотрудница со своей соседкой. По советским законам, на товарищеский суд всегда приглашали представителей организации, где работали судившиеся товарищи. А кому охота? Правильно, ни кому. Ты комсомолка? Да! Вот и иди, посиди на слушаниях дела. На вопрос, а в чём там суть, директор только махнул рукой. Знал бы он, что там совсем не банальная бытовуха, а бытовуха не банальная, пошёл бы сам.

Итак. В одну из квартир большого панельного дома въехала пожилая дама. И с её приездом, во всём подъезде, люди потеряли ночной покой. Каждую ночь из квартиры этой дамы доносились непонятные звуки. Свидетельница «А», старушка совсем не московского вида, скорее похожая на жительницу глухой деревушки, изобразила эти звуки голосом: «У-у, аха...» Вступив в словесную перепалку с ответчицей, свидетельница «А» обвинила её в неподобающих возрасту ночных занятиях. Сейчас бы ответчице напрямую заявили, что она ночи напролёт занимается сексом, и её стоны, не дают спать соседям с первого по девятый этаж. Но в восьмидесятые двадцатого ей культурно намекнули на то, что церковь называет блудом. Так выразился интеллигентного вида старикан с тростью.

Ответчица, била себя в грудь и уверяла, что проживает одна, и блудить по ночам ей просто не с кем. Заявительница (сотрудница нашей организации) предъявила записанные на кассетный магнитофон звуки, которые доносятся по ночам из квартиры ответчицы. Магнитофон был включен на запись почти всю ночь и таких: «У-у, аха...» накопилось на три часа прослушивания.

Нашлись и фотографии, правда не очень чёткие, как из квартиры ответчицы в шесть утра выходит мужчина. Фотограф (сосед сверху) случайно спускался со своей собакой по лестнице, потому что лифт не работал, а не дожидаясь специально с фотоаппаратом на площадке. Ответчица заявила, что это был её взрослый сын, который ночевал у неё перед отъездом в другой город. От неё до вокзала, всего одна остановка на метро, а из его дома нужно сделать три пересадки.

Этот же сосед с фотоаппаратом, предоставил суду несколько фотографий использованных презервативов, снятых в разное время под балконом ответчицы. На что она резонно заметила, что даже если бы и имела любовника, презервативы ей давно ни к чему, дети уже не рождаются.

Потом выступил сотрудник ДЭЗа – пропитый дядечка лет сорока, который бывал, по долгу службы, в квартире ответчицы и показал, что застал ответчицу за накрытым столом с алкогольными напитками в компании двух старичков и одной старушки. Они даже ему предлагали присоединиться к застолью, якобы у хозяйки квартиры был день рождения, но он отказался.

В последнем слове, ответчица заявила, что ни разу не слышала по ночам никаких: «У-у, аха...», и её с кем – то путают. Тут начался невообразимый гвалт и в процессе общего спора, кто-то, размахивая руками, задел ответчицу за ухо, из которого выпал слуховой аппарат. Никто, кроме меня, не обратил на это внимания, так как ответчица быстро вставила его на место. А я подошла к председателю суда и тихонько поделилась своим наблюдением.

Председатель суда встрепенулся и позвонил в колокольчик. В наступившей тишине его голос прозвучал, как глас с небес:

– Прошу всех проследовать в квартиру ответчицы для судебного эксперимента!

Идти было недалеко, и вот вся честная компания собралась на площадке около квартиры ответчицы. Председатель суда и ещё несколько человек, в том числе и я, зашли в квартиру

вместе с хозяйкой, где ей предложили лечь на свой диван и повернуться с боку на бок. Сначала без слухового аппарата, потом надеть его и снова поворочаться на диване.

– Ой, – сказала ответчица, – я больше здесь спать не буду. Мне просто не хотелось перебираться в спальню после кино по телевизору.

У-у, аха...

Собачья карма

Николай и его престарелая мать, поменяли свою трёхкомнатную квартиру в центре, на двушку в захолустье с большой доплатой, нужно было выплатить долг по алиментам за четыре года. Николай, неделю беспробудно пил, когда узнал, что суд обязал его работать, чтобы платить эти самые алименты. А он уже привык не работать. У матери была неплохая пенсия, ещё она приторговывала овощами и ягодами с огорода, на жизнь хватало. Не хватало только на алименты. Когда деньги, выделенные Николаю матерью на карманные расходы, закончились, он побрился, и явился в службу занятости.

– Дворник, в вашем ЖЭУ, десять восемьсот на руки. – Сказал равнодушный инспектор.

Николай прикинул, что когда вычтут алименты, останется семь тысяч, и можно будет не брать у матери «карманные», кормить его мать будет и так. А то, что рядом с домом – вообще красота, он не любил перемещаться по городу.

В работу втянулся быстро. Как-никак «своё хозяйство» – небольшой двор двухэтажных «деревяшек», тихий и уютный. Николай быстро привёл его в порядок, и даже начал подрабатывать – ходить на общие дворницкие «акции», убирать бесхозные территории. Жизнь почти наладилась, и он уже не вспоминал, как остался без работы по сокращению штатов на родной стройке, и почти семь лет просидел на шее, сначала жены, потом матери.

Однажды, к концу общей уборки, заявила бригадирша с каким-то хлыщом в кожаном плаще и бесформенной шляпе. Хлыщ, по очереди, подходил к каждому дворнику, и что-то говорил. Многие брезгливо отворачивались, и отходили, некоторые переспрашивали, и тоже отходили. Дошла очередь и до Николая. Хлыщ представился Петровым из какой-то организации, занимавшейся сокращением численности безнадзорных животных. Он без предисловий предложил Николаю разбрасывать в своём районе отраву для собак и кошек, оплата по таксе – вторая зарплата, без вычета налога. Николай ничего не ответил этому Петрову, и отошёл к своим мужикам, послушать, что они говорят. Но дворники разговаривали совсем о другом, и Николай понял, что эта тема игнорируется не зря. Люди либо не хотят этим заниматься, либо афишировать свою причастность. Ведь кто-то же эту отраву разбрасывает? Николай много раз слышал разговоры, что в городе гибнут собаки, только понюхав какие-то отравленные куски мяса. И даже знал, что этих отравителей называют догхантеры.

Через несколько дней, Николаю позвонила бригадирша, и приказала явиться к ней в кабинет для разговора. Когда Николай увидел в кабинете бригадирши того самого хлыща по фамилии Петров, он почему-то не удивился. А когда Петров снова сделал ему предложение «подработать», Николай, неожиданно для себя, согласился.

– Ты только ничего не говори нашим. – Сказала бригадирша, после того, как Петров ушёл, и сунула ему мятую тысячу.

– Это зачем? – Удивился Николай.

– Ну, считай, премия. – Усмехнулась бригадирша.

Николай понял, почему в инструкции, которую ему выдал Петров, рекомендовалось разбрасывать отраву только ночью, после трёх часов. В это время по городу ходили стайки бродячих собак, бесшумно и быстро передвигаясь по улицам. Они внезапно возникали из темноты перед запоздалыми пешеходами, пугая их до полусмерти.

Когда Николай «отработал» первые два месяца, как он сам себе говорил – «на отраве», бригадирша снова вызвала его к себе.

– Вот. – Вместо привычных пакетиков с мелко нарезанным салом, она протянула ему пластиковую «полторашку» с розовой жидкостью. – Разбрызгаешь на снегу на протоптанных тропинках, там, где жильцы гуляют с собаками.

– Но ведь они травят только бродячих? – Удивился Николай.

– Не твоего ума дело! – Рывкнула бригадирша, и бросила ему пятитысячную купюру «премии».

Дворники, то и дело судачили, и гадали о том, кто же теперь сотрудничает с Петровым. Ленка, которая раньше промышляла на собачьей смерти, давно уволилась, а потом и вовсе умерла от рака.

Наступило лето, и задания, которые давали Николаю Петров и бригадирша, перешли на индивидуальный план. Ему показывали фотографию собаки, называли адрес, по которому она живет, и давали плотно заклеенный пакетик из обёрточной бумаги.

– Сам не открывай, – строжилась бригадирша. – Только дашь понюхать, сразу выбрасывай в мусорный контейнер. – И совала в руку две пятитысячных.

Когда дело дошло до собак, живущих в его доме, Николай воспротивился:

– У себя во дворе гадить не буду, и точка!

– Ты чего? – Бригадирша повысила голос. – Только попробуй отказаться, я тебя ославлю на всё ЖЭУ, руки никто не подаст.

Но Николая разоблачили жильцы, с первой же его попытки отравить красивого, молодого пса – метиса кавказской овчарки. Николай долго втирался в доверие к его хозяйке, делал вид, что хочет с ним поиграть. Но пёс всегда истошно на него лаял, видимо чувствовал недобрые мысли Николая. Да к тому же, Николай сильно боялся эту собаку, и всегда вздрагивал, как только пёс подавал голос. Когда прошли все сроки отчётности за проделанную работу, бригадирша покрыла Николая трёхэтажным матом, и пригрозила уволить из ЖЭУ по статье за прогул. Николай, и в правду, прогулял три дня после майских праздников – задержался на огороде, потому что не мог прийти в себя после обильных возлияний с соседом.

И вот, приняв для храбрости стакан водки, Николай спустился во двор, где пожилая хозяйка выгуливала своего кавказца – полукровку, сидя на скамейке. Как только пёс увидел Николая, он оскалился и зарычал. Николай присел перед ним на корточки на безопасном расстоянии, и заговорил с хозяйкой. Пёс постепенно успокоился, и Николай уже достал пакет с отравой, чтобы в удобный момент сунуть его под нос собаке. И вдруг он услышал, как кто-то сверху кричит хозяйке пса, чтобы она гнала от себя в шею, этого дворника. Николай сообразил, что это про него, но решил сделать вид, что его это не касается. Тем более что пожилая женщина не услышала, что ей кричали с балкона, и продолжала спокойно с ним разговаривать. Когда крики сверху прекратились, Николай испугался, что тот, кто кричал, сейчас спустится вниз и ему несдобровать. Он наспех попрощался, и попытался подняться, но стакан водки не дал ему сделать это быстро, и через секунду он получил увесистого пинка под зад, и уткнулся носом в морду кавказца. Почувствовав дыхание пса, Николай приготовился, ощутить на своём лице его клыки. Но чья-то рука схватила его за шиворот, и отбросила от собаки.

Через три дня, Николай отравился к своему старому знакомому Василию, который жил на садовом участке в пригороде. Он честно всё рассказал Василию о своей «подработке» отравителем собак, и спросил совета, как ему быть дальше. Бригадирша сживала его со свету угрозами, рассказать обо всём в конторе, а не ходить на работу он не мог. Нарушить постановление суда было ещё страшнее, чем разоблачение перед коллективом ЖЭУ.

Василий, молча, выслушал покаянную речь приятеля, и так же молча, врезал ему кулаком под дых. Потом они пили водку, и Василий, не переставая, материл Николая за то, что тот продал душу дьяволу, губя души невинных животных. Когда водка кончилась, Василий выгнал Николая, и велел, больше не показываться ему на глаза. «А то собак спущу!» – пригрозил на прощанье Василий.

Николай пошёл домой пешком, потому, что автобусы уже не ходили. Темнело быстро, и когда впереди показалась теплотрасса, Николай с облегчением подумал, что ещё до сумерек доберётся до освещённых улиц, а там и до дома недалеко. Но через несколько шагов ему сдавило грудь, и он завалился на бок, хватая ртом воздух.

Николая нашли через два дня. Он так и лежал на боку с открытым ртом и остекленевшими глазами.

Кортик

Быль

– Ну, вот и добрались! – Агния Николаевна по-хозяйски уселась, на аккуратно застеленную кровать. – Вы чего стоите, как неродные? Несите сюда чемоданы! А корзину, зачем в комнату тащишь? Там продукты, сейчас буду обед готовить, Таська до ночи на работе, а Лариска с бабушкой, наверное, нас встречать пошли!

Братья – семнадцатилетний Юрка и четырнадцатилетний Борис, немного повздорив между собой, занесли в комнату чемоданы и молча, встали перед матерью.

– Опять встали, печку кто растопит?

– Юркина очередь. – Проворчал Борька. – А я погулять хочу. Там Мишка Скворцов...

– Мам, он всегда убегает гулять, хоть бы дров принёс!

– Правильно говоришь, Юра! Борька, принеси дров и беги к своему Скворцову. – Борис тут же рванул на улицу. – Да не упади с лестницы, несётся как угорелый! Юр, радио включи!

Голос диктора заканчивал какую-то фразу: «...ветского Информбюро!»

– Юрка, сделай тише, что так громко то!

– У тёти Таши ручка сломана, тише не делается. – Юрка не слушал, что говорит диктор, но удивился, что молчит мать, разбиравшая корзину с едой. И повернулся посмотреть, может, вышла. А мать сидела у стола, прижав к груди свёрток с хлебом, бледная и растерянная.

Вечером, когда вернулась тётя Тася, они с матерью пошли в комендатуру, искать отца. А Юрку с Борькой оставили водиться с малявкой Лариской.

– Как думаешь, эта война надолго?

– Не знаю. Мой призыв через год. Я хотел в кавалерию. А теперь кавалерию, наверное, отменят. У немцев танки, я в газете читал, против них кавалерия не устоит.

– Да, танки железные, а кони живые. Лариска, а ты танки видела?

Лариска промолчала. Ей очень хотелось спать, а глупые братья пристают с какими-то танками. Но, подумав, сказала:

– Танки я в кино видела, про белых. Их наши все сломали!

– Эх ты, двоечница! Не сломали, а подорвали!

– Я не двоечница, у меня только по шистописанию шетвёрка! – И Лариска разревелась, не столько от обиды, сколько от усталости. Мама с тётей Агньюшей куда-то ушли и не накормили. Мама обещала, что когда приедет тётя Агньюша, будем, кашу с мясом есть. А на столе лежали только зелёные яблоки и большая буханка чёрного хлеба.

– Да не реви, ты, дура! – Прикрикнул на неё Юрка. – Борька дразниться, а ты ревёшь, как маленькая!

Но тут вошли усталые женщины – их матери, следом шёл отец мальчишек – офицер, капитан пограничник. Он прямо с поезда был отправлен военным патрулём в городскую комендатуру. Сказал, что скоро вернётся, а пришёл, только теперь, затемно.

Уже засыпая, Борька слышал, как взрослые разговаривают за столом. Отпуск отменяется, потому что отца направляют в Ново-Николаевск на призывной пункт, проводить строевую подготовку с новобранцами. А Юрка уже осенью поступит в военное училище на ускоренный курс и к совершеннолетию станет младшим лейтенантом. «Вот везёт!» – подумал Борька. – «Уже и служить на войну возьмут».

Мать вернулась из мастерских пораньше. Она несла на руке недошитую шинель.

– Борь, поставь нагреть воды, скоро Юрка приедет на побывку. Хоть отмою его.

Юрка лежал в госпитале, недалеко от Томска, со смешным, с точки зрения Борьки, ранением – в самую пятую точку. Юркина часть сопровождала подводы с ранеными, которых выво-

зили с места военных действий. Минёры проложили дорогу через минное поле. А Юрка решил покрасоваться перед молоденькими медсёстрами и прогарцевал вдоль строя, немного обогнав его. Вот тут-то, красавец конь и задел задней ногой мину. Никто от взрыва не пострадал, даже конь остался невредимым. А Юрку догнали четыре осколка. Борька злился, что все пацаны во дворе уже знали, про смешное Юркино ранение, и посмеивались за Борькиной спиной. Это бабушка и мама рассказали всем соседям, про приключившееся с Юркой несчастье, а те разнесли эту новость на весь двор и на всю Розочку. Хоть бы уж не говорили, куда его ранило!

Мать уселась за швейную машинку, чтобы дошить шинель и гоняла Борьку туда сюда по хозяйству. Одно было хорошо, в честь Лёнькиного приезда, зарубили курицу, купленную на рынке за пол-литра спирта.

Вечером, мать пошла в мастерские, сдать пошитую шинель, а бабушка вышла во двор поболтать с соседками. Братья разговаривали про войну, и даже подросток Лариска прислушивалась к их разговору, хоть и делала вид, что внимательно читает учебник.

Борька прекрасно понимал, что братец сильно преувеличивает, свои военные подвиги. Но всё равно, с замиранием сердца, слушал про бомбёжки, налёты мессеров на санитарные поезда, и долгие переходы через минные поля с обозами медсанбатов. А, Юрий, закончив рассказ про то, как он, чуть не самолично, вывел целый вагон раненых в укрытие, когда поезд нещадно бомбили с воздуха, вдруг вспомнил, про свою новую военную форму.

– А ты видел, что теперь вместо лычек ввели погоны?

– Да. Отец уже два раза в новой форме приезжал.

– А кортик ему тоже выдали?

– Не знаю...

– Вот смотри! – И Юрка достал из вещмешка офицерский кортик.

– Дай посмотреть!

– Не дам, маленький ещё, порежешься. Он острый, как бритва!

– Кто это маленький? Мне скоро уже семнадцать стукнет, и я в училище пойду, как ты!

А потом на фронт!

– Как же, отпустит тебя мать в училище! Сам слышал, как она отцу говорила, что до призыва никуда ты не пойдёшь, а там и война может кончиться!

Борька просто рассвирепел. Он знал, что родители не хотят, чтобы он учился в военном училище, но надеялся, что всё-таки отпустят. И на медкомиссию сходил, где к его великому счастью, поставили заветный штамп – «Годен». Только ждал подходящего момента, чтобы уговорить мать. Отец разрешит, если мама отпустит.

– Что ты такое говоришь, дурак! Я что не успею на фронт, по-твоему, попасть?

– Да, запросто. Не знаешь, как немцев гонят? Скоро до границ доберутся, а там до Германии рукой подать. – Юрка говорил спокойно, с лёгкой усмешкой, всем видом показывая своё превосходство боевого офицера, над Борькой, безусым мальчишкой. – А я вот долечусь, и ещё успею повоевать!

– Знаю я, какой ты боец! Так хорошо драпал, что ранили в самую задницу!

И тут Борька услышал, как мимо его уха что-то просвистело. Оглянувшись, он увидел, что в дверном косяке торчит Юркин кортик, а на пороге, с открытым ртом, стоит бабушка. Тут заревела Лариска, и Борька, опрометью, выскочил на улицу. Он слышал, как запричитала бабушка, а Юрка что-то бурчал ей в ответ.

Всю ночь Борька просидел в старом сарае, дрожа от холода. Мать дважды выходила на улицу и звала его. Но он не отозвался. Слезы душили его.

Утром неожиданно объявился отец, и увёз Юрку на вокзал в трофейной легковушке.

Спустя десять лет, Борис демобилизовался, и приехал к родителям. Они обосновались в новом посёлке военных, на строительстве секретного производства. Встречали моряка Тихоокеанского флота, старшину второй статьи, с генеральскими почестями. Мать с тёткой наго-

товили, как на свадьбу. Три месяца экономили отцовский паёк, чтобы накрыть на стол, как раньше, до войны. Приехал и Юрий с женой и дочкой. Крепко обнявшись, братья разговорились.

– Куда думаешь, устраиваться? А то давай к нам, в милицию. Нам сейчас люди, ой как нужны.

– Да нет, в милицию не пойду. Отец договорился, чтобы меня послали в Ленинград на офицерские курсы. А потом вернусь сюда, буду под его крылом служить на строительстве.

– Понятно. – Юрий посмотрел Борису прямо в глаза. – А кортик, помнишь?

Борис молчал, опустив голову.

– Ты прости меня, брат. Я вот принёс, если хочешь, возьми, пусть у тебя будет. – И Юрий подал брату, тот самый кортик, которым чуть не убил его в далёком сорок четвёртом.

Борис не взял. Он, молча, встал и вышел из комнаты. Но через минуту вернулся. Он держал в руках кортик, ножны которого были отделаны богатой инкрустацией.

– Зачем мне твой, у меня свой есть.

– Откуда, тебе же по званию не положено...

– Это мне Батя – капитан первого ранга Колесов подарил, когда в запас увольнялся. Тут дарственная надпись есть. – И Борис протянул кортик брату.

– «Борису Шлыкову, за геройский поступок и мужество во время тушения пожара в походе, 22 августа 1945 года, порт следования – Порт-Артур» – прочитал вслух Юрий.

Эхо

Смерть всегда нахальна. Как бы ни вырывала она человека из жизни: долго и мучительно, или сразу и легко. Пусть люди на какое-то время одержат победу, продляя жизнь, смерти это всё равно. В итоге любая победа достанется ей. А победителей не судят.

Памяти моего дяди.

Когда я пришла к больному дяде, солнце уже пошло на закат, и в комнате стоял полумрак. Он дремал, поджав под себя ноги – ещё действовал укол. Неестественно большой живот и общая отёчность изменили его тело до неузнаваемости. Только лицо осталось прежним. В лучах заходящего солнца, он был удивительно похож на свою мать, мою бабушку. Я смотрела на него, и слёзы текли сами собой. Странно было видеть этого большого, сильного человека в таком беспомощном состоянии. Его усталая жена рассказала, что он неделю, как никого не узнаёт, даже не кричит уже от боли, а хрипит, голос сорвал. И только по инерции зовёт её: «Тамара, Тамара...».

У дяди был рак. За эту неделю, каждый прожитый день был для него в чём-то последним. Сначала отказала единственная почка, потом пропал аппетит, потом он ослеп и, в конце концов, всё заполнила собой боль.

Мы вполголоса беседовали, когда дядя очнулся. Он смотрел на меня невидящим взглядом и тихо стонал.

– Здравствуй, дядя Юра.

– Ты кто? Ничего не вижу. – Прохрипел он.

Тут вмешалась тётка:

– Юра, это Оля пришла, твоя племянница.

– А-а-а, дочь Бориса.

Я оторопела. Мой отец давно погиб. А угасающее сознание дяди соединило нас в очевидной, видимо самой доступной сейчас ему истине.

– Дядь Юр, ну что ж ты так меня официально – дочь Бориса. – Я попыталась пошутить, присаживаясь рядом. Прильнув к нему, я почувствовала, как что-то пульсирует у него в животе. Он был такой родной и тёплый. Я его поцеловала, он погладил меня по голове.

– Ты сегодня, как никогда похож на бабушку.

– Да. Я помню, ты дочку её именем назвала. Где она?

– Тут, рядышком.

– Не вижу ни черта. Тамара, где очки?

Тётка заметалась по комнате, потом, махнув рукой, сняла свои и водрузила ему на нос.

– Всё равно не вижу. Не мои дала. – Проворчал дядя. – Дай хоть по головке её погладить.

Трёхлетняя Агнешка, тоже погладила его по плечу, и почему-то прошептала: «Пока, деда Юра!», вернулась к игре с собакой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.